

Жан БАХЫТ

ОДНАЖДЫ ОСЕНЬЮ В ГОРАХ ИЗ ГОРОДА, ЧТО У ПОДНОЖЬЯ

* * *

В этом мире пустом и безумном
Чист твой образ в оправе окна.
Даль распахнута в трепете юном,
С ней сроднится в сиянии лунном
Только вкус молодого вина.

Одарила нас щедро природа,
Мы не ценим ее до поры.
Ко всему переменчива мода,
Только вечны любовь да свобода,
Да под осень земные дары.

* * *

Затаилась в кронах осень,
Шелестит листва.
Ни о чем она не просит,
Ни к чему слова.

Как по древнему поверью:
Нас в природе нет.
Только черные деревья
Сквозь осенний свет.

Вечер

Люблю я эти вечера,
Что рождены веселым летом.
Вдали луна, вдали гора,
И ночь до самого рассвета.
Поможет мне найти слова
Конь, что идет неторопливо,
И сочная под ним трава,
Высокая трава – до гривы.
Темнеет ли вдали лесок,
Белеет юрта ль под луною,
Мой конь спешит на голосок –
К кострам, к жилью и к водою.
Росою вновь пририта пыль
На стеблях спящего бурьяна.
Волной волнуется ковыль
У неразрытого кургана.

* * *

Я кочевник с авиабилетом,
Визами мой паспорт испещрен.
Покидает лайнер в час рассвета
Этот изумительный район.

Хорошо проснуться в Амстердаме,
А на завтра прилететь в Париж.
Мимолетом всё проходит в драме,
В сердце бьется непутевый стриж.

Манит берег Средиземноморья,
Осень Новой Англии влечет.
Тень бросает на скалу предгорья
Маленький спортивный самолет.

Знаете, какого цвета остров,
Неизвестный остров с высоты?
Цвета неба, с облаком он просто
Вновь перемешал свои черты.

За стеной небесного Китая,
В Сингапуре ожидает друг.
По душе орбита кочевая,
Где за кругом новый выйдет круг.

Мне бы чайку Джонатан в подруги,
За пределы сферы перейдя,
Невесомость впитывать в испуге
И снимать всю тяжесть бытия.

Мне земля мала для этих странствий,
Я в полете воплощусь в стихи.
На закате умственного транса
Подсчитаю визы и грехи.

* * *

Угрюмы вершины своей сединой,
И горы вдоль города встали стеной.

И месяц, над городом вскинув рога,
Купает в запруде всю ночь двойника.

Прохлада ночная, цвета фонарей,
И мост над арыком, и ряд тополей.

Фонтан ли смеется? – Алмаатинка.
В глазах ее тает горная льдинка.

* * *

У старых вязов сумрачные ветви.
Не шелхнувшись, горлинки в них спят.
И зыбь листвы,
И с гор прохладный ветер,
Всё как тогда,
как сотню лет назад.

От фонарей
Вода, как бок форели,
Зернистую поверхностью дрожит.
Подкрашенный осенней акварелью,
Дубовый лист
на дне пруда лежит.

* * *

Плода нет совершеннее на свете,
Чем яблоко осеннею порой –
Под листьями, под ветвью, под горой...
Об этом, жаль, не знают в горсовете.
Но ведь не имя – суть важна в предмете:
Не гармоничен будет город мой
Без яблока – дар древности земной –
Что принимают взрослые – как дети.
И яблоко ли детства я храню,
Щекою ли прижмусь к его огню?..
В коробку зёрна спрятаны до срока.
Приснится мне планеты сад живой,
Плодами будет плыть над головой.
И – яблоко несет в руке эпоха.

Листва и ветер

Шум молодой листвы –
Это тяга к дальнейшей свободе.
И ветер здесь ни при чем.
Опаданье листвы –
Это грусть о прожитой жизни
И мечте,
Которую уносит ветер,
Живший в деревьях.

Осень

Песчаный берег у реки,
Я в краски осени вступаю.
Прозрачные стоят деньки
Вон теми яблоньками с краю.

И дышит тканью полотна
В закатный час неторопливо
Речная эта глубина
В том образном наклоне ивы.

И на зиму хозяйка в дом
Всё не находит квартиранта.
Тропинка наша за холмом
Под снегом будет ждать до марта.

За дверь схоронится душа
Неумирающего лета.
Колодезной воды с ковша
Последний мой глоток – за это.

I

Золотая тишина
Разлита сквозь паутину.
Створки старого окна
Невзначай рукой раздвину.
Лес осенний за окном
Накануне листопада.
Где-то отдаленный гром,
Ветра вздох после разряда.

II

Ветра вздох после разряда,
Где-то отдаленный гром.
Накануне листопада
Лес осенний за окном.
Невзначай рукой раздвину
Створки старого окна.
Разлита сквозь паутину
Золотая тишина.

* * *

Днем не слышно горной речки,
По ночам она слышна,
И ее послушать речи
Смуглая плывет луна.

Речка у ветвистой ели
Расплескала лунный свет...
А к утру вблизи ущелья
Ни луны, ни эха нет.

Вкус черного хлеба

Может, птицы молчат в темном небе.
 Может, небо над ними кричит...
 Память детства – держу ломоть хлеба.
 Слово молвлю, и – в горле горчит.

Ах, не знаю,
 не знаю,
 не знаю,
 Не узнаю – зачем и куда
 Всё летит журавлиная стая,
 На пути своем нам оставляя
 Провлинные дожди в холода.

Эх, навстречу,
 навстречу,
 навстречу
 Да всё ниже к забытой земле
 Стая воронов празднует вечер,
 Каждый ворон бедою отмечен,
 Словно траур несет на крыле.

* * *

Юность. Ночь. Аэропорт.
 Свисает над скамейкою апорт.
 Разговорились с парнем.
 Он влюблен.
 И, кажется, разлукой первой горд.
 – Ты знаешь,
 Вдруг захочется бежать
 На край земли,
 Там, где межа
 Запретная,
 Упругие крыла
 Почувствовать,
 Чтобы бездонность
 Обожгла.
 Влечет куда-то
 Тишина в ночи.
 О мышь летучая,
 Полету научи!
 Эта тварь имеет крылья-дельтаплан,
 Вот стихов тетрадка втиснута в карман.
 Клянусь, что строчка – это взлета
 метакод.
 – Ну а в жизни?
 – В жизни всё наоборот.
 – Давай покурим, парень!
 Он молчит.
 Пошел я. Оглянулся:
 Он сидит.

Тамариск

И так поздно цветет тамариск,
 Что любить – нераспознанный риск.
 Нежно-розовый цвет лепестков,
 Словно томик японских стихов,
 Что под осень на даче раскрыт,
 О цветах он тебе говорит –
 Что так поздно цветет тамариск,
 Что любить – нераспознанный риск,
 Что его нежно-розовый цвет
 Даст тебе запоздалый совет.
 Он в ущелье цветет не для всех,
 Несмотря, что уже первый снег.

Цок-цок

Перелесок за аулом,
 Прячется в траве ручей.
 Проезжаю на кауром
 Я среди карагачей.

И вослед мне смотрят люди
 И благословляют путь.
 Я ночлега не забуду,
 К вам вернусь когда-нибудь.

А пока дороги дальней
 Лента тянется в тиши.
 Вторит конь моим желаньям,
 Льется песня из души.

Льется песня, бьет копытом
 Подо мной веселый конь.
 И мелодии забытой
 В сердце плещется огонь.

Поздняя осень

В предгорьях Алатау
 снег выпал на рассвете.
 И яблоня в листве таила грусть.
 И было тихо.
 Там, среди ветвей,
 яблоко в ущелье гор пылало.
 И стая птиц,
 снег стяхнув над ним,
 взлетела
 и исчезла
 за хребтами.

* * *

Окно, раскрытое когда-то,
Защелкнуто на шпингалет.
И рамою в часы заката
Осенний перечеркнут свет.

Но вспомнить нам к зиме дано
Всё то, что было южным летом.
Там бродит белое вино,
А красное – в бочонке этом.

Осень на Иссык-Куле

Когда с утра дождливая погода,
Когда с утра ты в спешке ищешь зонт,
Мне по душе такое время года,
Пусть мертвый в доме отдыха сезон.
Я преступлю закрытую границу,
Я заведу волшебную тетрадь.
В ней будет жить заветная страница,
С которой только надо начинать.
Всё остальное выйдет непогодой,
Всё остальное ночью смоем дождь,
Досадуя, что он теперь не в моде,
Ты зонтик первой встречи подаешь.
Я перейду на полутон рассказа,
На повесть я с подтекстом перейду.
А впрочем, это всё не для показа,
Не стоит перекраивать судьбу.
Ошиблись вновь синоптики в прогнозах,
Нам остается на ночь загадать.
Мне этот дождь, как поэтичность прозы,
Да только вся исписана тетрадь.

